

Лукашевич Клавдия Владимировна

Из жизни бедняков

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Из жизни бедняков / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 66 с.

ISBN 978-5-519-94027-6

ISBN 978-5-519-94027-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

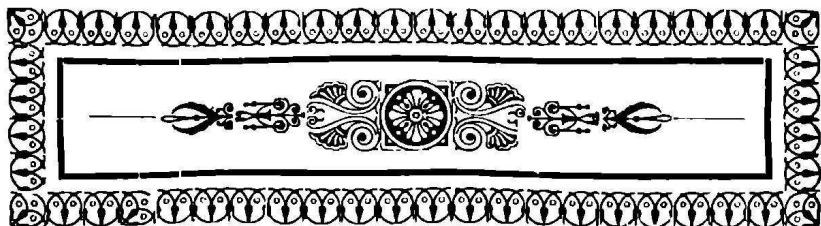
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЛУЧКА.

I.

аменька, тебѣшиб-
ко неможется?—
съ тревогой въ
голосѣ спросила
маленькая дѣвоч-
ка.

— Охъ... Да...
Всю голову раз-
ломило, тѣло го-
рить, самое такъ и трясеть... Руки и ноги но-
ютъ!..—отвѣтилъ слабый голосъ.

Въ углу на сундукѣ лежала женщина, около
нея стояла маленькая дѣвочка, трепаная, въ рва-
номъ платьишкѣ. Сейчасъ было видно, что мать
ея больна: некому было даже бѣлокурую голо-
венку пригладить. Комната, гдѣ онѣ находи-

лись, была въ подвальномъ этажѣ. Темная, сырая, холодная, съ затхлымъ воздухомъ—она напоминала кѣвъ. Во всѣхъ углахъ ея шевелились люди: въ одномъ углу кто-то храпѣлъ, въ другомъ сидѣли двѣ старухи и тихо переговаривались, въ третьемъ шла перебранка: кто-то кого-то бранилъ. Одинъ голосъ былъ грубый, хриплый, другой—визгливый. Это спорили хозяйка и жиличка.

— Изъ чего я буду печь-то топить, коли вы никто денегъ не платите! Ну, и мерзните!! Подѣломъ вамъ! Вонъ Марѳа обѣщала сегодня за уголь отдать, а сама заболѣла... Вотъ и пиши пропало! Пропьетъ ея муженекъ получку-то. Опять денегъ не отдадутъ. Развѣ мнѣ легко съ такой нищетой!

Больная зашевелилась, застонала и прерывающимся голосомъ проговорила:

— Да, ужъ плохо... Развѣ я рада, хозяйка... Богъ, видно, наказалъ!

— Маменька!.. А, мама, тебѣ шибко неможется?—опять спросила дѣвочка и погладила по лицу мать.

— Отстань! Чего привязалась! Неможется, конечно... Чего тутъ спрашивать?—сердито отвѣтила больная.

Дѣвочка притихла и всплакнула.

— Жиличка-то еще пуще болѣетъ оттого, что о мужѣ беспокоится, — сказала вполголоса одна старуха другой.

— Что и говорить! Была бы здорова, встрѣтила бы его и привела бы... И получка была бы пѣла, и хозяйкѣ бы денежки отдали, и не-

дѣлю сыты были бы; — прошептала другая старушка.

Дѣвочка тревожно посмотрѣла на старухъ и на мать. Она слышала, что тѣ говорили.

— Анютка, ты чего глазенки-то на насъ уставила? Поди сюда, милушка...—сказала одна изъ старухъ, улыбнулась и поманила дѣвочку къ себѣ.

— Я такъ... ничего... — отвѣтила та, но не пошла. Мать ея опять заворочалась, застонала... Дѣвочка привстала на цыпочки и заглянула въ лицо матери, съ ея губъ готовъ былъ сорваться обычный вопросъ, но она удержалась. Мать затихла и, видимо, задремала.

Хозяйка опять заспорила съ кѣмъ-то, требуя денегъ.

— Тетенька, маменька заснула, кажется...— робко проговорила дѣвочка, подбѣгая къ полной женщинѣ съ краснымъ носомъ, стоявшей у печки, дернувъ ее за рукавъ, взглядомъ умоляя не шумѣть.

— Прочь пошла! Что мнѣ твоя маменька!—крикнула хозяйка.— Что вы мнѣ деньги что ли платите!? Твой батюшка опять пропѣетъ получку-то. А я сиди на бобахъ! Развѣ мнѣ легко такую голь содержать?..

Дѣвочка, какъ котенокъ, шмыгнула въ свой уголъ. Тамъ она присѣла на полъ и завозилась, выбирая изъ корзины какое-то тряпье, сгѣбно закутывая ноги... обматывая голову.

— Бабушка, дайте мнѣ ваши башмаки одѣть? — шепотомъ попросила Аня, подходя къ той старухѣ, которая ее раньше манила.

— У меня только одинъ, а другой совсѣмъ пропалъ, оба нельзя одѣть, Анюточка... Бери одинъ. Да ты куда собираешься-то? — ласково спросила старушка.

— Такъ... — уклончиво отвѣчала дѣвочка и прибавила:

— Другой у меня есть, это мамина валенка!.. — она показывала огромную стоптанную валенку.

— Да ты куда собираешься? — спросили обѣ старухи въ одинъ голосъ.

— Ужъ не за отцомъ ли?! Такъ смотри: на улицѣ холодно... Замерзнешь... И отецъ тебя приколотить... Не послушаетъ онъ тебя... Сиди-ка дома. Чего тамъ?

✓ Но дѣвочка не послушала старухъ и усердно собиралась, накутывая все, что могла достать.

Ей было на видъ лѣтъ 6—7; по росту это былъ крошечный ребенокъ, а по взглядамъ, по увѣреннымъ движеніямъ — уже взрослый человекъ, не мало видѣвшій на своемъ вѣку горя и заботъ.

— И тяжелое же житье нашей Анюткѣ. Не видитъ она красныхъ дней: мать хвора, отецъ выпиваетъ, — сказала одна изъ старушекъ, покачавъ головой.

— Да, у господъ-то такое дитя берегутъ, нѣжатъ... А у насъ, въ бѣдности, сама все дѣлаетъ, да, слава Богу, если хлѣбъ каждый день ѣсть.

— Шустрая дѣвчоночка... Умная. Она бы въ

хорошей-то жизни, что цвѣточекъ бы цвѣла, а тутъ хирѣеть...—подтвердила другая старушка.

А та, о которой шла рѣчь, быстро шмыгнула за дверь и, въ башмакѣ на одной ногѣ, въ валенкѣ на другой, зашагала по темной улицѣ, гулко шлепая обувью, которая, казалось, была гораздо больше ребенка.

II.

✓ Анюта не шла, а какъ-будто летѣла. Было холодно, темно; рѣзкій вѣтеръ дулъ ей въ лицо. Но дѣвочка безстрашно и храбро шагала по темнымъ безлюднымъ улицамъ. Дорога была ей знакома; онѣ съ матерью не разъ хаживали по ней. Вотъ уже она прошла знакомую лавку, завернула за уголъ, прошла мимо рынка, мимо длинныхъ заборовъ.

Вдали въ темнотѣ вырисовывалось огромное зданіе съ тремя длинными трубами; изъ трубъ валилъ дымъ, и красиво вылетали искры; во всѣхъ окнахъ мелькали огоньки. Красиво, грандіозно выдѣлялось это зданіе на темномъ фонѣ неба. Это была фабрика, гдѣ работалъ отецъ дѣвочки. Тамъ слышалось какое-то пыхтѣнье, шипѣнье и гулъ.

Вдругъ въ воздухѣ раздался рѣзкій, пронзительный свистокъ. Анюта вздрогнула, запахнула кофту и прибавила шагу. Въ ся встревоженной головенкѣ мелькали мысли:

— «Сейчасъ рабочіе кончили работу... Получаютъ недѣльную получку... Пойдетъ ли отецъ домой, или выбратьъ ее, прогонитъ, скажетъ: «не суйся не въ свое дѣло»? Пожалуй, еще и приколотить».—Маленькое сердце дѣвочки билось и трепетало, какъ птичка въ клѣткѣ. Вся она дрожала и замирала отъ холода, страха и ожиданія. Вѣтеръ становился рѣзче.

Дорогой ей стали попадаться женщины съ дѣтьми на рукахъ и безъ дѣтей. — «Тоже за мужьями идутъ» — подумала Аня.

Когда она вышла изъ переулка, глазамъ ея представилась площадь и огромное фабричное зданіе. У воротъ толпился народъ. Это были большею частью женщины. У всѣхъ у нихъ были грустные тревожные лица; нѣкоторыя были съ маленькими ребятами. На Анюту никто не обращалъ вниманія. Конечно, думали, что она съ матерью.

Изъ фабричныхъ дверей стали выходить рабочіе. И много тяжелыхъ, грустныхъ сценъ разыгралось тутъ. Женщины отнимали получку, просили вернуться домой; слышались слезы и ссоры.

Аня со страхомъ вглядывалась въ толпу рабочихъ и даже приподымалась на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть. Сердце ея прыгало и колотилось съ болью: — «Нѣтъ, не послушаетъ ее отецъ. Онъ даже и мать-то не всегда слушаетъ»...

Вдругъ она услышала знакомый голосъ — говорилъ отецъ. Онъ шелъ съ товарищами. Быстрыми шагами направились они въ противоположную сторону ихъ дома. Дѣвочка даже руки прижала къ груди; она хотѣла двинуться за отцомъ, но ей казалось, что ноги приросли къ землѣ, и тяжелые башмакъ и валенка давили, тянули, не давали слѣлать шага.

Отецъ и компанія рабочихъ, громко разговаривая, скрылись за угломъ. Анюта очнулась, рѣшилась на что-то и рванулась за ними. Она скоро догнала ихъ и дернула отца за рукавъ. Тотъ даже вздрогнулъ, обернулся и удивился.

— Анютка, ты что? Зачѣмъ ты пришла?

— Папенька, маменькѣ неможется...

— Ну, я знаю... Вѣдь, не хуже, чѣмъ вчера?

— Не хуже... пойдѣмъ домой...

— Ты иди, Анюточка, а я сейчасъ приду... Ишь ты зазябла, дочурка... Иди, иди...—ласково сказалъ отецъ.

Отъ ласковыхъ словъ Анюта расчувствовалась и стала фыркать носомъ. Она плаксиво говорила:

— Маменькѣ шибко неможется... она все охаетъ, трясетъ ее... Пойдемъ, папенька, домой.

— Что ты ее слушаешь? Извѣстно, твоя хозяйка ее подослала... Гони ее домой!.. — шепотомъ сказалъ одинъ изъ товарищей, съ большою черной всклокоченной бородой.

— Иди, Анюта, иди... Я скоро приду.

Но дѣвочка знала, какъ это бываетъ скоро, и настойчиво повторила:

— Маменька стонетъ, а хозяйка шибко ругается, что за уголь не отдали. Пойдемъ домой, папенька.

— Ну, и пусть ругается. Отдадимъ все, не сбѣжимъ. Ишь ты, дѣвочка, замерзла. Бѣги скорѣй домой! — строго сказалъ отецъ. — На, вотъ тебѣ пятакъ на гостинцы.

Анюта радостно схватила деньги и стала смѣлѣе. Она прямо потянула отца за рукавъ.

— Пойдѣмъ, папенька... Маменька тебя дожидается... А бабушки говорятъ, что ты загуляешь.

— Ступай ты домой. Тебѣ я говорю?—уже разсердился отецъ. Не загуляю... Я скоро приду... Такъ и скажи матери, стыдно ей тебя подсылать!..—смягченнымъ тономъ, видимо конфузясь, проговорилъ рабочій.

Но Анюта не отставала и назойливо твердила:

— Маменька меня не подсылала; пойдемъ домой, папенька.

— Ну, чего вы препираетесь?! Шлепнулъ бы дѣвчонку. Ишь пристала, точно банный листъ... — громко и сердито сказалъ одинъ товарищъ.

— Пошла ты домой!—крикнулъ другой и толкнулъ дѣвочку. Она упала и заплакала.

Отецъ вдругъ разсердился.

— Ты чего ребенка толкнулъ? Развѣ ты смѣешь! Что она тебѣ сдѣлала! Не твоя, вѣдь, дочь! Какъ ты можешь этакъ дѣлать?

— Надо́бла... Ноеть, какъ немазанное колесо: «пойдемъ, да пойдёмъ». И ты, какъ баба, слушаешь. Тошно смотрѣть на васъ! Далъ бы ей тумака... Живо бы отстала.

— А ты развѣ можешь чужого ребенка трогать?.. По какому-такому праву ты ее ударилъ?— заступился отецъ за дочь.

— Никто ее не ударилъ... Толкнулъ легонько... Да еще мало, надо бы посильнѣе. Не сахарная, не развалится. Такая дрянная пискунья!..

— Пойдемъ, Анютка, домой!—вдругъ рѣшительно сказалъ рабочій, съ презрѣніемъ взглянувъ на товарища. Анюта вся затрепетала отъ радости, вцѣпилась отцу въ рукавъ и потянула его порывисто впередъ... Она рвалась идти, какъ можно скорѣе, только сапоги ей мѣшали.

— Ты что же это съ нами шутки шутить вздумалъ?! Сговорились... Обѣщаль... А теперь вотъ какъ?.. — сердито закричалъ товарищъ съ черной бородой, нагоняя пріятеля и хватая его за пальто.

— Тише, тише!.. Не очень-то тебя боятся!..— спокойно отвѣтилъ тотъ, отстраняя его рукой.

— Пойдемъ, Анютка... И то правда, жена больная лежитъ, получки ждетъ... пойдёмъ, дочушка! — сказалъ онъ рѣшительно и серьезно.

Они пошли быстро, не оборачиваясь. Холодный вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, слышалось шлепанье сапоговъ Анютки; сѣменя своими ногами, она поминутно спотыкалась, едва поспѣ-